

Се Жунцзяо задумчиво произнёс:

— Я всегда думал, что отец предвидел, что я заподозрю что-то в поведении Лу Биньфэнь перед смертью, а затем, следуя письму брата Юю, доберусь до Северной Пустоши, выясню предателя в твоей армии и свяжу эти два события воедино.

— Подожди, не говори! — тихо воскликнула Се Жунхуа. — Если у этих двух событий разные цели, и предатель в моей армии был способом отца показать, что за ним стоит Се Тинбай, который с нами не на одной стороне, то что насчёт дела Лу Биньфэнь?

Они обменялись взглядами, и Се Жунцзяо нарушил молчание:

— Се Тинбай сговорился с Моло из Западной Пустоши.

Се Жунхуа откинулась на подушку:

— Почему отец закрутил всё так сложно?

Се Жунцзяо ответил:

— Возможно, он хотел показать нам, что видимое — это правда.

Но не только это.

Се Тинбай был на пороге Святого этапа, иначе как бы семья Се так прочно удерживала своё место над тремя сектами, и каждый раз, когда речь заходила о разделе сил в Южном регионе, говорили об одном городе и трёх сектах?

Он управлял семьёй Се долгое время, и его духовная сила пронизывала весь город Фэнлин. Се Хуань, конечно, был тем, кого он не мог оставить без внимания.

У Се Хуаня были свои причины.

И свои принципы.

Се Жунцзяо сжал губы, его глаза стали глубже:

— Я отправлюсь на Западную Пустошь.

Се Жунхуа, как человек, привыкший к большим потрясениям, и к тому же не испытывающий симпатий к Се Тинбаю — Цзян Цзинсин, кстати, очень точно описал его как «духа, рождённого из благовоний», — сразу же остановила его:

— Ацзы, не спеши. Скоро в Хаоцзине будет десятилетнее Собрание ароматов, это редкая возможность, так что сначала отправляйся туда.

Десятилетнее Собрание ароматов в Хаоцзине собирало лучших молодых талантов со всего мира.

Во время Собрания ароматов представители знатных семей сменяли друг друга, как вода, а молодые гении проносились, как облака.

Самое привлекательное для Се Жунцзяо было то, что Собрание делилось на литературные и боевые состязания. Литературные пока оставим в стороне, а боевые приглашали всех

известных практикующих Девяти Областей, моложе тридцати лет и достигших этапа Вхождения в Микро, чтобы через серию поединков выбрать победителя.

Четыре лучших молодых таланта Девяти Областей, все моложе тридцати, естественно, присутствовали.

Цзян Чанлань, которому также не было тридцати, был вызван в Хаоцзин императрицей Цзян под этим предлогом.

Се Жунцзяо и Цзян Чанлань собирались отправиться в Хаоцзин, Лу Биньвэй должен был вернуться в лагерь на Южной границе, и Се Жунхуа устроила прощальную вечеринку.

На Северной Пустоши не было недостатка в крепком алкоголе.

Се Жунхуа выпила полкувшина, и алкоголь ударил ей в голову. Она пьяно похлопала Лу Биньвэя по плечу:

— Лу Юю, когда вернёшься на Южную границу, если будешь спорить с кем-то, то спорь, но, ради всего святого, не лезь в драку. Если не будешь драться, то хотя бы сохранишь приличный вид. Не беспокойся, я приду с саблей Тайпин и спасу тебя.

Лу Биньвэй не уступал никому в талантах к практике, и его скорость тоже была на высоте, но его реакция и координация движений были настолько ужасны, что это вызывало отвращение.

Если кто-то с ним дрался, то противник ещё не успевал вытащить меч, а Лу Биньвэй уже умудрялся запутаться в путях циркуляции ци, даже если он мысленно повторял техники. Не потому что он не хотел, а потому что его тело просто не слушалось.

Как с таким драться?

Как вообще можно с таким драться?

Се Жунхуа когда-то пыталась придумать для Лу Биньвэя подходящую стратегию для победы, но, потеряв кучу волос, сдалась и посоветовала:

— Просто сдавайся. Сохрани себя, а я потом приду и разберусь с обидчиками.

К несчастью, Лу Биньвэй мечтал о том дне, когда он сможет управлять облаками, двигать горы и переворачивать моря, стоя на вершине практики.

Это заставляло Се Жунхуа, которая предпочитала действовать, а не говорить, заботиться о нём, как мать, и каждый раз перед расставанием напоминать ему не лезть на рожон.

Лу Биньвэй, которого она уже достала до ушей, сразу же продал её Южной границе, что только укрепляло их дружбу, заставляя верить в искренность человеческих чувств.

Закончив с Лу Биньвэем, Се Жунхуа икнула и начала беспокоиться о Се Жунцзяо:

— Ацзы, когда поедешь на Собрание ароматов, будь осторожен. Я тебе говорю, этот Цзи — негодяй.

Она посмотрела на Цзян Цзинсина и, будучи пьяной, дерзко приказала:

— Цзян, ты поедешь с Ацзы?

Цзян Цзинсин сдержался и не вытащил меч, чтобы прочить её.

Лу Биньвэй так испугался, что чуть не выронил палочки и тут же решил найти знающего экзорциста, когда вернётся на Южную границу.

Цзян Цзинсин думал, что не должен ехать с Ацзы.

Ацзы уже вырос, его мастерство в мече достигло определённого уровня, его дух был ясен, и на этом этапе Цзян Цзинсин мог сказать, что он выполнил обещание, данное Се Хуаню десять лет назад.

И он завершил их первоначальную связь.

Он, испытывая чувства, должен был оставить их учительско-ученические отношения здесь, в гармонии и счастье.

А затем, как раньше, уйти в странствия, пока Се Жунцзяо не обзаведётся семьёй, не достигнет славы, и в чайных и винных домах не зазвучат истории об их учителе и ученике, а в доме правителя Фэнлина не расскажут о долгой разлуке.

Пока всё ещё не поздно, пока всё ещё поверхностно.

Это было лучшее время, чтобы расстаться с Ацзы.

Но Цзян Цзинсин, как будто под воздействием какой-то силы, сказал:

— Конечно, я буду с Ацзы.

О, к чёрту всё это.

Разве он мог позволить Ацзы отправиться в земли семьи Цзи без присмотра?

Цзян Цзинсин чувствовал себя полностью оправданным.

*

Говорят, что цветы хороши лишь на день,

Но кто знает, что они цветут каждый апрель.

Говорят, что луна не всегда полна,

Но кто знает, что с древних времён она остаётся той же.

Весна и осень уже изменили красоту,

Но звук пипы остаётся прежним, и чувства все те же.

Не спрашивай, сколько раз цветут и опадают гранаты перед домом,

Сколько раз дует северный ветер и летят южные гуси.

Встреча — это редкость, и в этот вечер мы выпьем до дна.

Далекий тост за то, чтобы ты оставался юным каждый год,

Чтобы каждый день был радостным, сколько бы раз ни менялись моря и горы.

Пусть песни и вино заменят печаль разлуки,

И пусть ты будешь есть с аппетитом.

*

Хаоцзин был самым процветающим и величественным местом в мире.

Квартал Пинкан был самым романтичным и соблазнительным уголком Хаоцзина.

Среди всех заведений квартала Пинкан самыми известными были две: Башня Чэньсян и Павильон Линьсянь.

«В Башне Чэньсян танцует Хунсю, в Павильоне Линьсянь скрывается Цуйцяо».

Эти слова когда-то разносились по всему Хаоцзину вместе с ароматным ветром, дующим с высоких башен.

Хунсю и Цуйцяо были тогда главными звёздами Башни Чэньсян и Павильона Линьсянь. Они были не только невероятно красивы, но и обладали уникальными талантами.

Хунсю играла на пипе лучше всех в мире. Её тонкие пальцы перебирали струны, заставляя знатоков замолчать, а князей склонять головы. Сколько легкомысленных юношей приезжали издалека в квартал Пинкан только для того, чтобы услышать эту небесную музыку.

Цуйцяо обладала самой изысканной и грациозной фигурой, и её танец ху сюань не имел равных. Говорили, что, наблюдая за её танцем, не нужно было ставить вино на стол, потому что к концу представления зрители уже были пьяны, и казалось, что она улетает, как небесная фея, оставляя после себя лишь эхо.

Писатели презирают друг друга, конкуренты ненавидят друг друга, и то же самое относится к красавицам.

Хунсю и Цуйцяо были заклятыми врагами.

Хунсю любила красный цвет, поэтому Цуйцяо предпочитала зелёный; Хунсю любила высокие причёски, поэтому Цуйцяо часто укладывала волосы низко; Хунсю любила яркие золотые и серебряные украшения, поэтому Цуйцяо предпочитала нежные жемчуга и яшму.

Иногда они даже доходили до того, что Хунсю отказывалась принимать гостей, пришедших из Павильона Линьсянь, а Цуйцяо не пускала тех, кто приходил из Башни Чэньсян.

Но было одно, в чём они удивительно совпадали.

Обе они любили Цзян Цзинсина.

Тридцать лет назад Цзян Цзинсин в Хаоцзине был не тем святым, чьё имя осталось только в легендах, а чьи предпочтения и лицо скрывались за дымом благовоний.

Тогда среди всех знатных юношей и ярких личностей города он был самым красивым, самым живым и самым свободным.

«Скакать на коне, опираясь на мост, и видеть, как все окна наполняются красными рукавами» — это не было преувеличением. Куда бы он ни шёл, его осыпали цветами, как будто их было не жалко.

Дошло до того, что его умный конь отказывался выходить с ним.

Девушки Хаоцзина жалели его лицо и не бросали в него тяжёлые предметы, только цветы и платки. Остальные подарки в виде украшений, яшмы, фруктов и прочего бросали в воздух для эффекта, и страдал от этого его скакун, который должен был постоянно уворачиваться, чтобы не получить увечья.

В день двадцатилетия Цзян Цзинсина Хунсю и Цуйцяо сделали то, что заставило всех в Хаоцзине потерять дар речи.

Они выступили вместе: Хунсю играла на пипе, а Цуйцяо танцевала ху сюань — для одного человека в мире, в один день.

Тогда Хунсю и Цуйцяо были в расцвете юности, как их имена — очаровательные и яркие.

Хунсю подняла свои широкие рукава, похожие на красные облака, и пальцами с плектром из черепахового панциря заиграла на пипе, напевая мелодию, сочинённую за ночь.

Цуйцяо кружилась в танце, её юбка, как многослойный пион, словно облака и туман, поднимала её, воссоздавая танец небесных фей с древних фресок.

[Нет авторских примечаний]

<http://bllate.org/book/16198/1453762>